

КНЯЗЕВА ЖАННА ВИКТОРОВНА*jeanna.kniazeva@mail.ru*

Доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора музыки Российского института истории искусств

190000 Санкт-Петербург,
Исаакиевская пл., 5

JEANNA V. KNIAZEVA*jeanna.kniazeva@mail.ru*

Doctor of Fine Arts, Senior Research Fellow of the Music Department of the Russian Institute for the History of the Arts

5 Isaakiyevskaya Sq.,
St. Petersburg 190000
Russia

АННОТАЦИЯ**Новые документы к истории международного музыковедческого конгресса 1939 года в Нью-Йорке. Из переписки ученых**

Статья продолжает тему исследования американских контактов российско-швейцарского музыковеда Жака Гандшина. Она представляет комментированную публикацию ряда документов 1939 года из его переписки с Густавом Ризом. Получив приглашение от американского коллеги, Гандшин тем не менее отказывается приехать на музыковедческий конгресс в Нью-Йорк. На основе анализа письма Гандшина и нескольких иных эпистолярных документов в статье рассмотрены неизученные прежде линии из истории международного музыковедения кануна Второй мировой войны.

Ключевые слова: Жак Гандшин, Густав Риз, Ижини Англес, Международное музыковедческое общество, Американское музыковедческое общество, международный музыковедческий конгресс в Нью-Йорке 1939 года, наука XX века

ABSTRACT**The International Congress of Musicology in New York (1939). Documents From the Correspondence of Organizers and Scholars**

This continuation of the research on American contacts to Russian-Swiss musicologist Jacques Handschin, publishes and discusses some documents from his correspondence with Gustav Reese, dated 1939. Reese invites Handschin to the musicological congress in New York; Handschin hesitates and finally declines to attend. The analysis of this correspondence as well as of others documents sheds light on the history of international musicology on the eve of World War II.

Keywords: Jacques Handschin, Gustav Reese, Higinì Anglès, International musicological society, American musicological society, International Congress of musicology in New-York 1939, science in the 20th century

Жанна Князева

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ К ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО МУЗЫКОВЕДЧЕСКОГО КОНГРЕССА 1939 ГОДА В НЬЮ-ЙОРКЕ ИЗ ПЕРЕПИСКИ УЧЕНЫХ

Данная статья продолжает начатую в предыдущей публикации [1] тему изучения эпистолярного диалога между российско-швейцарским музыковедом и органистом Жаком Гандшиным и его молодым американским коллегой Густавом Ризом, а вместе с тем и исследование американских контактов Гандшина. В первой статье речь шла о начале переписки, — о письме Риза 1937 года и его несбывшемся желании попасть в ученики к базельскому профессору. Корпус документов, лежащий в основе данной статьи, относится к более позднему времени. Он создан спустя два года, летом 1939 года, и включает письмо Гандшина Ризу, а также две телеграммы: Риза — и ответную Гандшина. Документы обнаружены в фонде Американского музыковедческого общества (AMS) в Отделе рукописей библиотеки Университета Пенсильвании (США)¹. Благодарю сотрудников библиотеки и исполнительного директора AMS Роберта Джадда (Robert Judd) за разрешение работать с этими источниками и предоставление электронных копий документов.

Самый ранний из рассматриваемых документов — письмо Жака Гандшина. Оно датировано 17 июля 1939 года и представляет собой оригинал машинописи. Письмо гласит (в переводе с английского²):

Мой дорогой Господин Риз,
Пожалуйста, простите, что я немного задумался. Мне очень жаль, но именно тот момент, когда пришло Ваше любезное приглашение, — один из самых сложных в моей жизни, и поэтому я думаю, что не смогу приехать. Я очень ценю усилия Вашего Общества по поддержке моей поездки и был бы счастлив увидеть американских друзей и обрести новых. Стечение обстоятельств фатально, и боюсь, что не смогу найти иного выхода.

¹ University of Pennsylvania Libraries Special Collections. American Musicological Society Ms. Coll. 221, Box 3. Folder 203 (3 pages).

² Все переводы (с англ. и нем.) в данной статье выполнены ее автором.

Из Министерства иностранных дел в Берне я не получил ответа и не знаю, чем это объяснить; но, конечно же, это не стало бы препятствием для меня. Название моего доклада могло бы быть «Восточное или эллинистическое?» и речь бы пошла, главным образом, о IV веке. Я, тем не менее, могу приготовить его для прочтения на конгрессе, если, например, мой друг Ланг возьмется [его] зачитать; но боюсь, что в таком случае буду вынужден обременить Вас объемом [текста] примерно в 50 страниц, поскольку сам сильно перегружен иной работой. В любом случае во время конгресса я мысленно буду с Вами.

Благодарю Вас за любезную заботу о Букофцере. Пожалуйста, передайте мои поздравления мистру Спрэг Смит, остаюсь преданный Вам
Ж. Гандшин

Внизу, простым карандашом, рукой не Гандшина приписано:

Плохой прецедент

Однако я бы все же принял его доклад³.

Письмо, по-видимому, долго шло в Америку, и 22 июня 1939 года Гандшину пришла телеграмма: «Можете ли Вы принять приглашение пожалуйста телеграфируйте ответ. Риз»⁴. Ответ последовал 24 июля: «Сожалею. Гандшин»⁵.

Итак, через два года после несостоявшейся поездки на обучение к Гандшину в Базель, Риз приглашает швейцарского ученого на международный конгресс в Америку. Гандшин отказывается.

Речь идет о международном конгрессе, устроенном Американским музыковедческим обществом в Нью-Йорке 11–16 сентября 1939 года. История этого конгресса тесно связана с историей Международного музыковедческого общества (IMS), в директории которого тогда, во второй половине 1930-х, активно работал Гандшин. Остановлюсь на этой взаимосвязи.

³ My dear Mr. Reese, / Please excuse me for having a little hesitated. It is a real sorrow to me that precisely this moment at which your kind invitation comes is a most critical one in my life and therefore I think I shall not be able to come. I much appreciate the effort your society would have done for facilitating my travel and I should have been happy to see my American friends and gaining new friends overseas. It is a fatal coincidence and I fear I cannot resolve it otherwise.

From the Department of Foreign Affairs at Bern I got no notice and I do not know how to explain it; but of course that would not have been a hindrance to me. The title of my paper would have been "Oriental or Hellenistical?" and it would have been concerned mainly with the IV. century. Nevertheless I could prepare it for been read at your congress if, for instance, my friend Lang would take over to read it; but I fear in this case I should have to charge you something like 50 S. because I am so much overburdened with other work. At any case I shall be much with you in mind during the congress. / I am grateful for the kind care you are taking over Bukofzer. Please transmit my compliments to Mr. Sprague Smith and believe me faithfully yours, / *J. Handschin*

bad precedent / would welcome communication from him, however

⁴ Can you accept invitation please wire answer. Reese.

⁵ Regret. Handschin.

Конгрессы IMS проводились начиная с 1927 года, согласно уставу Общества раз в три года. В 1936 году прошел знаменитый конгресс в Барселоне [4], [14, 29–30], и в 1939 году должна была состояться очередная всемирная встреча музыковедов. Еще в Каталонии Директория Общества решила, что встреча пройдет в Копенгагене. Большую роль в организации копенгагенского конгресса должен был сыграть Кнуд Йеппесен (Еппесен, Jeppesen; 1892–1974), датский ученый (позже, с 1949 по 1952 год, — президент IMS), один из корреспондентов Жака Гандшина⁶. Отмечу, что после 1933 года Копенгаген (как столица нейтральной до 1940 года Дании) стал вообще особенно важен для IMS, ведь именно туда в 1936 году перенесли из нацистской Германии издания журнала *IMS Acta Musicologica* [5].

О перипетиях вокруг места проведения конгресса 1939 года мы узнаем из переписки Гандшина с его каталонским коллегой и другом Ижини Англесом (Higini Anglès; 1888–1969)⁷. Судя по этим письмам, еще в декабре 1938 года ученые не испытывали сомнений, что конгресс пройдет именно в Копенгагене. Однако тучи над Европой стремительно сгущались. 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. В Старом свете стало опасно, — и конгресс в Копенгагене отменили.

А в это время далекий Нью-Йорк жил прежней жизнью. С 30 апреля 1939 года по 27 октября 1940 года там проходила Всемирная выставка (World's Fair) под выразительным названием: «Мир завтрашнего дня» — «The World of Tomorrow» (самый «подходящий» заголовок для весны 1939 года!). В рамках выставки предполагалось проведение музыкального фестиваля и, возможно, музыковедческой конференции. Когда же в Европе разразилась война, Американское музыковедческое общество решило принять всемирный конгресс музыковедов у себя.

На открытии конгресса, 11 сентября 1939 года президент AMS Карлтон Спрэг Смит (Carleton Sprague Smith; 1905–1994)⁸ в своей приветственной речи кратко изложил новейшую историю IMS и продолжил:

Настоящий конгресс проходит через три года после встречи в Барселоне <...>. Он проводится в нашей стране, поскольку музыкальная программа, намеченная в рамках Всемирной выставки 1939 года, побудила членов Общества спланировать в этой связи также и научный конгресс⁹.

⁶ Об их переписке см. ниже примеч. 24.

⁷ Переписка Гандшина с Англесом хранится в двух собраниях: в архиве Гандшина в Институте музыкознания Университета Вюрцбурга (Германия; далее: HN) и в фонде Ижини Англеса в Национальной Библиотеке Каталонии (Барселона, Испания; далее: BC). Подробнее об этой эпистолярной коллекции см.: [2, 59]. Все приводимые далее выдержки (цитаты) из этой, как и ряда иных переписок Гандшина, публикуются впервые.

⁸ О К. С. Смите и его общении с Гандшиным см. ниже.

⁹ The present congress comes three years after the Barcelona meeting, <...> and is held in this country because the musical program which was scheduled to take place at the New York World's Fair of 1939 induced the members of the society to plan a scientific congress in connection with it [15, 3].

Говоря об «обществе» в контексте истории IMS, Смит определенно имеет в виду именно Международное музыковедческое общество — для американских ученых этот конгресс в Нью-Йорке был, без сомнения, продолжением всемирных конгрессов IMS. Однако из опубликованных позднее документов мы знаем, что официально следующий (четвертый) конгресс IMS пройдет уже после войны, в 1949 году в Базеле [12]. То есть, по-видимому, возникло некое организационное разногласие между учеными американскими и европейскими.

А теперь вернемся к Гандшину. Как я уже отмечала в первой статье [1], пока не обнаружено существенно более ранней информации о его общении с американскими коллегами (например, источников, датируемых 1920-ми годами). Хронологически первое из имеющихся на сегодняшний день высказываний ученого в связи с американской наукой относится к осени 1935 года. 9 ноября Гандшин писал Англесу:

Очень жаль, что Общество исследований Восточной музыки (Вольф — Лахманн)¹⁰ перенесено в Нью-Йорк! Почему не в Иерусалим (где Лахманн)? Или в Кембридж (Хорнбостель)? Или Париж (Закс и Шеффнер)?¹¹

Мы видим, что Гандшин недоволен переездом Общества исследований Восточной музыки из Берлина в Америку. Он предпочитает опираться на европейских профессионалов с корнями в немецкой или французской научных школах — и упоминает четырех ученых: Роберт Лахманн¹², Эрих

¹⁰ Общество исследований Восточной музыки — *Gesellschaft zur Erforschung der Musik des Orients* — было основано в 1930 году в Берлине музыковедами-этнологами по инициативе и при участии Роберта Лахманна (о нем см. ниже примеч. 12). В 1935 году Общество прекратило свою деятельность в Германии. Данная реплика Гандшина свидетельствует о предпринятых музыковедами шагах по сохранению Общества: вероятно, речь идет о попытке продолжить его работу в деятельности его же американского отделения, известного под названием American Section of the International Society for comparative musicology. (Отмечу, что к работе последнего имел прямое отношение американский музыковед Чарльз Зигер (Charles Seeger; 1886–1979), один из участников нью-йоркского конгресса 1939 года. Никаких упоминаний этого имени на страницах писем Гандшина пока не обнаружено.) Однако большого успеха данная попытка не имела [6].

¹¹ Sehr schade, die Gesellschaft zur Erforschung der Musik des Orients (Wolf — Lachmann) ist verlegt worden nach New York! Warum nicht Jerusalem (wo jetzt Lachmann)? oder Cambridge (Hornbostel)? oder Paris (Sachs & Schaeffner)? *Handschrift — Anglès, 09.11.1935 (BC)*.

¹² Роберт Лахманн (Lachmann; 1932, Берлин — 1939, Иерусалим) — этномузыковед, ориенталист, ученик Й. Вольфа, один из основателей Берлинской школы сравнительного музыковедения, в 1933–1935 издатель «Журнала сравнительного музыковедения» (*Zeitschrift für Vergleichende Musikwissenschaft*) — издания Общества исследований Восточной музыки (см. ниже примеч. 14). С весны 1935 года Лахманн жил в Иерусалиме, где в Еврейском университете основал Центр и Архив Восточной музыки. В мае 1936 года ученый по приглашению Гандшина прочел шесть лекций в Базельском университете [13, 345]. Переписка Гандшина с Лахманном хранится в Иерусалиме; в настоящее время ее копии (любезно предоставленные мне Национальной библиотекой Израиля) находятся в расшифровке.

Мориц фон Хорнбостель¹³, Курт Закс¹⁴ и Андре Шеффнер¹⁵. Трое первых связаны, так или иначе, с берлинской школой, но к этому моменту все они — уже не в Германии. Однако и не в Америке. (Хорнбостель успел покинул США, а Закс окажется там несколько позже.) Вероятно, осенью 1935 года у Гандшина еще нет «своих» коллег за океаном.

Но почему Гандшин предпочитает европейских ученых? В переписке с Англесом есть реплика Англеса на эту тему. Ответ Гандшина не сохранился. Однако можно предположить, что Англес написал такие строки, поскольку рассчитывал на понимание Гандшина. 12 июля 1936 года, в связи с упомянутым выше переносом *Acta musicologica* в Копенгаген, Англес писал:

Я обратил внимание Йеппесена на то, что, перенеся [издание] в Копенгаген, мы потеряем швейцарских и немецких членов [IMS — Ж. К.]. То же самое я сказал г-ну Денту¹⁶ и проф[ессору] Веллесу¹⁷. Они полагают, что тех заменят участники из Америки и Англии. Мой ответ состоял в том, что эти лишь платящие, но никаких научных работ не создающие господа меня не интересуют (подчеркнуто в оригинале. — Ж. К.)¹⁸.

¹³ Эрх Мориц фон Хорнбостель (Hornbostel; 1877, Вена — 1935, Кембридж) — этномузыковед, с 1905 по 1933 год — директор Берлинского фонограммархива; соавтор Курта Закса в знаменитой работе по систематике музыкальных инструментов [11]. Гандшин был в профессиональном контакте с Хорнбостелем. Их переписка хранится в частных руках и в настоящее время недоступна для изучения.

¹⁴ Курт Закс (Sachs; 1881, Берлин — 1959, Нью-Йорк), один из основателей современного инструментоведения, преподавал в Берлинском университете. После 1933 года он эмигрировал сначала во Францию (поэтому Гандшин и упоминает его в связи с Парижем), а затем в США, где работал в Нью-Йоркском университете. О личных контактах Закса с Гандшиным пока ничего не известно. В архиве Гандшина связанных с ними документов не обнаружено. Архив Закса хранится в Ратгерском университете (Rutgers University in New Brunswick) [16, XXI]. Судя по опубликованным данным, корреспонденции там нет. Местонахождение эпистолярного наследия Закса мне пока установить не удалось.

¹⁵ Андре Шеффнер (Schaeffner; 1895, Париж — 1980, там же) — этномузыковед, основатель (1929) и руководитель (до 1965) Отдела этномузыкознания в Музее человека (Musée de l'Homme) в Париже. Письма Гандшина Шеффнеру хранятся в Париже; в настоящее время ведется работа по их расшифровке.

¹⁶ Эдвард Дент (Edward Dent; 1876–1957) — музыковед и музыкальный организатор, профессор Кембриджского университета (Великобритания), с 1931 по 1949 год президент IMS.

¹⁷ Эгон Веллес (Egon Wellesz; 1885–1974) — музыковед и композитор, родом из Вены, в 1930-х годах член Директории IMS, один из сподвижников Э. Дента.

¹⁸ Ich habe Jeppesen darauf aufmerksam gemacht, dass wir bei einer Verlegung nach Kopenhagen die schweizerischen und die deutschen Mitgliedern der Gesellschaft verlieren werden. Das Gleich habe ich auch Mr. Dent und Prof. Wellesz gesagt. Diese meinten, hierfür würden Ersatzmitglieder aus Amerika und England kommen. Meine Antwort war, dass mich diese nur zahlenden aber keine wissenschaftlichen Arbeiten leistenden Herrschaften nicht interessieren. *Anglès – Handschin, 12.07.1936 (HN, BC)*.

То есть для Англеса и Гандшина речь в сложившейся ситуации шла именно о науке (а не о политике или политической географии): достижения англоязычного музыкознания середины 1930-х годов их не убеждали.

А теперь обратимся к конгрессу 1939 года и его отзвукам в корреспонденции Гандшина. В мае 1938 года он пишет Англесу:

Я спросил Й[еппесена]: как пройдет его конгресс в Коп[енгагене]? Он сказал: будет не в Коп[енгагене], потому что Дент хочет какой-то конгр[есс] в Америке. Думаю, что Дент не имеет права это решать: полагаю, что ему будет очень приятно провести конгр[есс] в Америке, поскольку тогда он легко может сделать так, что лишь его друзья там будут. У меня больше нет желания оставаться в Директории, если это только комедия¹⁹.

А в сентябре — коллеге Карлу-Аллану Мoberгу в Упсалу:

Поскольку я слышал, что Дент хочет провести конгресс 1939 года вместо Копенг[агена] или Базеля (как было решено) в Америке (!), я написал ему²⁰, что если это правда, то я буду писать [другим] членам Директории, с тем, чтобы все, кто придерживается моего мнения, объяснили господину Денту, что не считают правильным отказ от принятого [ими] решения²¹.

Из проведенных ранее исследований по истории IMS [14] мы знаем, что Гандшин — противник линии тогдашнего президента Э. Дента в музыковедении, поскольку считает его научную позицию дилетантской. Цитированная реплика показывает, что весной 1938 года Гандшин полагает, что за океаном Денту легче собрать своих единомышленников, дискутировать с которыми вновь (после столкновений на конгрессах 1933 и 1936 годов [ibid.]) Гандшин, по-видимому, не желает. А само намерение перенести конгресс в Америку он расценивает как пренебрежение к прежнему решению Директории. Поэтому Гандшин против проведения конгресса 1939 года в Америке. Однако (как я уже упоминала выше) еще в декабре 1938 года и он, и вице-президент IMS Англес уверены, что всемирная встреча музыковедов пройдет в Копенгагене. 15 декабря Англес пишет Гандшину: «Я рад,

¹⁹ Ich fragte J[eppen]: wie wird sein Kongress in Kop[enhagen]? Er sagte: wird nicht sein in Kop[enhagen], denn Dent will manchen Kongr[ess] in Amerika. Ich denke, dass Dent nicht das Rech hat, darüber zu beschliessen: ich vermute, dass es ihm sehr angenehm sein wird, den Kongr[ess] in Amerika abzuhalten, denn dann kann er leicht dafür sorgen, dass nur seine Freunde dabei sind. Ich habe keine Lust, weiter im Vorstand zu sein, wenn es nur eine Komödie ist. *Handschin – Anglès, 30.05.1938 (HN, BC)*.

²⁰ Это письмо ни в архиве Дента в Кембридже, ни в архиве Гандшина (как возможный черновик) не обнаружено.

²¹ Da ich hörte dass Dent den Kongress 1939 statt in Kopenh[agen] oder Basel (wie beschlossen) in Amerika (!) halten will, schrieb ich ihm, dass wenn dies wahr ist, dann würde ich an die Mitglieder des Vorstandes schreiben, damit alle, die meine Meinung sind, <...> Herrn Dent erklären, dass sie es nicht richtig finden, wenn jener Beschluss umgestossen wird. *Handschin – Moberg, 11.09.38 (Uppsala Stadtarchiv)*.

Упомянутое письменное обращение Гандшина к членам Директории IMS пока не обнаружено.

что следующий конгресс состоится в Копенгагене; в Америке это стало бы катастрофой для Европы»²².

Обращу внимание на последнюю ремарку Англеса: конгресс в Америке — катастрофа для европейской науки. Эти слова — уже не о научном профессионализме и «друзьях Дента», и не о достижениях англоязычного музыковедения. Они о другом: к концу 1938 года в Америку уехали — и перешли на английский язык, то есть стали работать в рамках этой языковой и научной традиции — выдающиеся европейские ученые, воспитанники немецкой и немецкоязычной научных школ. Тем самым произошел отток крупных научных сил за океан, что грозило интеллектуальным истощением Европы. А последствия перенесения в США еще и значительных научных собраний оказались бы катастрофичными.

Что произошло дальше, мы уже знаем. В Европе начинается война, и международный конгресс проходит в США. Американцы принимают его как очередной конгресс IMS. Однако руководство самого IMS (вероятно, чувствуя сложность настроений в Обществе) не включает его в список своих официальных конгрессов.

А теперь вернемся к Гандшину и его реплике о «друзьях Дента» за океаном. О том, кто принял участие в конгрессе 1939 года, можно судить по опубликованным материалам [15]. В числе участников действительно были оппоненты Гандшина. Прежде всего, это сам Дент, а также немалая группа американских исследователей, среди которых Гандшин, вероятно, подозревал его единомышленников. Однако крупные представители принимающей стороны, организаторы конгресса, находились в постоянном дружески-коллегиальном контакте с Гандшиным. Прежде всего, это уже упомянутый выше Карлтон Спрэг Смит, с которым ученый был знаком самое позднее с 1933 года [1]. Буквально накануне конгресса Смит стал президентом Американского музыковедческого общества (и Гандшин, как мы видим в публикуемом письме Ризу, послал ему свои поздравления). Это и сам Риз, в тот момент секретарь AMS, исследователь, еще недавно стремившийся попасть в ученики к Гандшину [там же]. Доклада Риза в программе нет, однако он точно принял участие в организационных работах по подготовке конгресса (ведь именно он пригласил Гандшина). Нет в этой программе и доклада другого американского ученого, — Пола Генри Ланга²³, которого Гандшин в публикуемом письме называет своим американским другом; однако, вероятно, Ланг также имел отношение к организации симпозиума, поскольку Гандшин собирался просить его зачитать присланный им доклад.

На конгресс, несмотря на разразившуюся войну, приехали европейские коллеги. Среди них назову уже упомянутого выше члена Директории IMS Кнуда Йеппесена; с этим ученым Гандшина связывали долгие годы

²² Ich freue mich, daß der nächste Kongress in Kopenhagen stattfinde[n] wird; in Amerika wäre es eine Katastrophe für Europa gewesen. *Anglès – Handschin, 15.12.38 (HN)*.

²³ О сложной истории взаимоотношений Гандшина с Лангом (Paul Henry Lang; 1901–1991) см.: [3].

непростых отношений, в которых каждый, не всегда соглашаясь с позицией другого, тем не менее, уважал собеседника²⁴. Среди участников симпозиума мы видим также прямых учеников, младших коллег Гандшина в Базеле, — это Манфред Букофцер и Отто Гомбози (для последнего именно приезд на конгресс в Нью-Йорк стал началом американского периода жизни). Гандшин не терял контакта с ними (и благодарил Риза за заботу о Букофцере), а они еще не расстались с идеей защитить докторские диссертации в Базеле [там же].

Судя по этому кругу участников, отношение Гандшина к событиям американского конгресса было сложным. Здесь переплетено научное и человеческое: нежелание встречаться с оппонентами — и интерес к происходящему за океаном, где к этому времени (в отличие от 1935 года) уже живут и работают знакомые, коллеги и даже ученики, причем талантливейшие. Публикуемое письмо Ризу от осени 1939 года отчетливо показывает эти колебания Гандшина. Сначала он определенно намерен поехать в Америку (и даже обращается в бернский МИД — возможно, с просьбой о содействии в оформлении документов). Он размышляет о возможном докладе, определяет его тему. Однако в конце концов все же отказывается от поездки. Ризу Гандшин объясняет свой отказ «критическим моментом». (Действительно, его частная жизнь в этот момент сложна²⁵.) Чуть позже доходит отголосок и иного резона; в феврале 1940 года Гандшин пишет Англесу: «В Нью-Йорке я не был. Я удивлен, что Йеппесен рискнул [поехать]. Ну, ведь датчане всегда были известными мореплавателями...»²⁶. То есть сомнения в научной целесообразности поездки и частные трудности были усилены еще и понятным страхом перед путешествием за океан в военное время.

Обращу внимание на информацию о научном докладе, который ученый собирался предложить на симпозиуме. Судя по документу, Гандшин (сославшись на перегруженность работой) не писал специального выступления, а хотел предложить некий текст — вероятно, готовый фрагмент исследования, над которым он тогда трудился. (Объем этого текста, однако, сильно превышал размер обычного доклада.) В своем письме Гандшин называет этот текст «Восточное или эллинистическое?» и указывает,

²⁴ Изучение корреспонденции Гандшина — Йеппесена может открыть немало важных страниц этого диалога, а с ним и истории музыковедения той эпохи. Данная эпистолярная коллекция хранится в Копенгагене, ее исследованием занимается Томас Хольме Хансен (Thomas Holme Hansen; сотрудник Орхусского университета и Королевской Библиотеки Дании) в сотрудничестве с автором этих строк.

²⁵ В этот период Гандшин разводится с первой женой (Еленой Агриколой) и в декабре того же 1939 года женится вторым браком на русской жительнице Таллина Анне Никитиной (Синевой). (Брак этот окажется в конце концов неудачным.) Он перевозит в Швейцарию всю (немалую) семью Анны, делая это в обстановке стремительно нарастающего напряжения в Прибалтике и буквально накануне включения Эстонии в состав СССР (лето 1940).

²⁶ In New York war ich nicht. Ich bin erstaunt, dass Jeppesen es riskiert hat. Nun, die Dänen sind ja immer berühmte Seefahrer gewesen... *Handschin – Anglès, 11.02.1940 (HN)*.

что речь в нем пойдет, главным образом, о IV веке. По всей видимости, ученый собирался говорить о византийской культуре ее раннего периода. Работа под таким названием ни среди опубликованных работ Гандшина, ни в его архиве пока не обнаружена. Можно предположить, что она входила в орбиту материалов готовившейся тогда Гандшиным книги «Das Orientproblem in der Musikgeschichte. Prolegomena» («Проблема восточного в истории музыки. Введение») ²⁷. Позднее (уже в 1948 году) Гандшин размышлял о включении этих материалов во второе, расширенное издание своей книги «Musikgeschichte im Überblick» («Обзор истории музыки», 1948) с расширенной главой по истории музыкальной культуры Восточной Европы. Однако этим замыслам, увы, не суждено было осуществиться [2, 82–83].

Но вернемся к нью-йоркскому конгрессу 1939 года. Ответ Гандшина огорчил организаторов, — об этом свидетельствует рукописная ремарка на письме: «Плохой прецедент» ²⁸. Возможно, они опасались, что и другие европейские ученые откажутся приехать (ввиду беспокойного времени), предложив просто зачитать их доклады. Тогда о международном конгрессе трудно было бы говорить. Тем не менее вовсе отказывать Гандшину организаторы тоже не хотели, об этом говорит продолжение ремарки: «Однако я все же принял бы его доклад». Тем не менее, в опубликованной программе конгресса доклада Гандшина нет. Вероятно, от предложенной им «заочной» формы выступления все же отказались.

Завершая разговор о переписке Жака Гандшина с Густавом Ризом, взглянем несколько шире на корпус источников, представленный в двух посвященных ей статьях. Эти документы вносят дополнительные линии и усложняют наше представление о картине международного музыкознания предвоенного периода, в частности, о европейско-американских диалогах тех лет. Американец Риз, оказывается, намеревался стать учеником русского швейцарца Гандшина. Гандшин же совсем неоднозначно относился к музыковедческому конгрессу в Нью-Йорке и к американскому музыковедению в целом. Исследования позднейших контактов Гандшина с американской музыковедческой школой [3], показали, какое развитие получат эти события в дальнейшем. Уже после войны Гандшин — прежде, как мы видели,

²⁷ Упоминание об этой книге было обнаружено мной осенью 2006 года в архиве Гандшина (хранившемся тогда еще в Университете Эрлангена), среди бумаг, связанных с его работой «Das Zeremonienwerk Kaiser Konstantins und die sangbare Dichtung» [9]. Судя по этим упоминаниям, книга «Das Orientproblem...» была подготовлена и подана в издательство (правда, пока не ясно, в какое) осенью 1941 года. Однако целиком она так и не увидела свет. Впоследствии отдельными публикациями вышли ее главы: (1). *Gesungene Apologetik* [10], [7, 117–149]; (2). *Das Zeremonienwerk Kaiser Konstantins und die sangbare Dichtung* [9]; (3). «*Antiochien, jene herrliche Griechenstadt*» [8]. Следов публикации четвертой главы («*Noch weiter östlich...*» — «Далее на Восток.») пока обнаружить не удалось.

²⁸ Эта ремарка могла принадлежать как самому Г. Ризу, так и президенту AMS К. С. Смитю, которому Риз, как секретарь Общества, мог передать письмо Гандшина на рассмотрение. Произвести сверку почерков по иным рукописным документам мне пока не представилась возможность.

крайне осторожно (и скорее скептически) настроенный к американской науке — найдет среди американских коллег единомышленников в лице Армена Карапетяна и его Института (Американского института музыковедения в Риме). Гандшин развернет интенсивное сотрудничество с ними и обретет в этом сотрудничестве едва ли не свой идеал научного взаимодействия. Он свяжет с Институтом важнейшие научные планы поздних лет жизни. Однако вокруг Института сложится напряженная, конфликтно-политизированная обстановка, что так и не позволит американскому сюжету творчества Гандшина обрести, наконец, гармонию. Болезнь и кончина ученого осенью 1955 года оставят большую часть планов нереализованной.

Общим выводом из предложенных (в данной и двух иных статьях: [1], [3]) вниманию читателей наблюдений по теме «Жак Гандшин и американское музыковедение»²⁹ я бы назвала мысль о *сложности* как явлении и почти аналитической категории при анализе документов по истории науки. Представленные материалы демонстрируют относительность границ между группами и школами, а также отсутствие, условно говоря, «правых» и «неправых». Традиционно принятые категории (такие как «американская научная школа» — «европейская научная школа», или, как в случае с Институтом Карапетяна, «хорошие» интернационалисты — «плохие» коллаборационисты и пр.) оказываются более не эффективными; точнее, работа с ними столь сильно упрощает картину, что де факто приводит к ее искажению. С этой сложностью необходимо работать — крайне осторожно, не спрямляя поворотов, не разыскивая однозначных ответов и не спеша с синтезом. Думается, это может стать шагом к изучению той самой *взаимозависимости традиций* — Traditionszusammenhang, — о которой Гандшин писал когда-то Бесселеру [2, 82]; при этом понятие «Zusammenhang» (взаимозависимость) становится не менее важным, чем даже сама «Tradition». Соприкасаясь же с политическими реалиями изучаемой эпохи, не стоит упускать из виду, что хронологически соотносимый с ними единый ландшафт науки — тонок, сложен и живет зачастую по собственным законам. (В современном мире это особо важно — но, порой кажется, и особо трудно понять.)

²⁹ Изучение корпуса документов по этой теме скоро будет продолжено: уже ждут своего исследования письма Гандшина первому президенту Американского музыковедческого общества Отто Кинкельдею (Otto Kinkeldey; 1878–1966), обнаруженные в процессе подготовки данной статьи.

Использованная литература

1. *Князева Ж.* К истории нескольких несостоявшихся защит в Базеле. Из переписки Жака Гандшина с Густавом Ризем, Карлом-Алланом Мобергом, Хайнрихом Бесселером // Научный вестник Московской консерватории. 2018. №2. С. 66–81.
2. *Князева Ж.* Музыковеды о политике. Жак Гандшин и Ижини Англес: из писем 1930-х годов // Новые документы по истории искусствознания: XX век. Вып. 1. 1920–30-е гг. СПб.: Петрополис, 2017. С. 59–83.
3. *Князева Ж.* Новые документы к истории европейско-американских диалогов послевоенного музыковедения. Лео Шраде, Жак Гандшин и Армен Карапетян // Новые документы по истории искусствознания: XX век. Вып. 2: 1940–60-е годы. СПб.: Петрополис, 2018 (в печати).
4. *Arrandale K.* “So Musical a Discord: Edward J. Dent and the Protocol of Barcelona”. Study Session 4c: Nationalism and International Ideas in Music and Musicology: Barcelona, April 1936. IMS 19th Congress, Rome 1–7 July 2012. Program and Abstracts. P. 176.
5. *Celestini F., Bohlman Ph. V.* Acta Musicologica: a Brief History // The History of the International Musicological Society / ed. by D. Baumann and D. Fabris. Kassel; Basel: Bärenreiter, 2017. P. 144–148.
6. *García D. F.* Listening for Africa. Duke University Press, 2017. 376 p.
7. Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie / hrsg. von H. Oesch. Bern; Stuttgart: Paul Haupt, 1957. 397 S.
8. *Handschin J.* Antiochien, jene herrliche Griechenstadt // Archiv für Musikforschung. VII (1942). S. 193–204.
9. *Handschin J.* Das Zeremonienwerk Kaiser Konstantins und die sangbare Dichtung. Rektoratsprogramm der Universität Basel. Basel: F. Reinhardt, 1942. 112 S.
10. *Handschin J.* Gesungene Apotheetik // Miscellanea liturgica in honorem L. C. Mohlberg. Rome: Edizioni liturgiche, 1949. V. 2. P. 75–106.
11. *Hornbostel E. M. von, Sachs K.* Systematik der Musikinstrumente. Ein Versuch // Zeitschrift für Ethnologie. Bd 46 (1914). Nr. 4–5. S. 553–590.
12. International Musicological Society. Forth Congress. Basel, June, 29 — July, 3, 1949. Report. Basel: Bärenreiter, [1951]. 235 pp.
13. *Kirnbauer M., Zimmermann H.* Wissenschaft ‘in keimfreier Umgebung’? Musikforschung in Basel 1900–1960 // Musikwissenschaft — eine verspätete Disziplin? Die akademische Musikforschung zwischen. Fortschrittsglauben und Modernitätsverweigerung. Stuttgart: Metzler, 2000. S. 321–346.
14. *Knязева Ж.* Jacques Handschin, Musicology and the IMS in the 1920s to 1940s // The History of the International Musicological Society / ed. by D. Baumann and D. Fabris. Kassel; Basel: Bärenreiter, 2017. P. 25–32.
15. Papers read at the International Congress of musicology, held at New York September 11th to 16th 1939 / ed. by A. Mendel, G. Reese, G. Chase. Richmond, Virginia: William Byrd Press, 1944. 301 p.
16. Quellen zur Geschichte emigrierter Musiker / Sources relating to the History of Emigre Musicians. 1933–1950 / hrsg. von H. Weber, St. Drees. München: K. G. Saur, 2005. 465 S.
17. The History of the International Musicological Society / ed. by D. Baumann and D. Fabris. Kassel; Basel: Bärenreiter, 2017. 167 p.